

Война на два фронта Олега Губанова

Помните, в «Мертвом сезоне»: «Я при немецком штабе служил...».

Фраза останавливала дыхание.

Он, одессит с Хуторской, Олег Антонович Губанов, при штабах галифе не полировал, все в действующей армии. Сначала в Красной парашютном-диверсантом, потом в штурмовой бригаде армии США, а после капитуляции Германии - в 1-й ударной танковой, что в Магдебурге. Так получилось.

И никто его не засылал, «Алексом Губано» он стал исключительно по молодости, безоглядности, а может, из-за твердости характера подался служить к союзникам. Добровольцем.

Характер обнаружился вовремя. После окончания семилетки поступил в автодорожный техникум, к автомобилям и другой колесной технике тянуло.

Через полгода в Одессе открылась спецшкола ВВС. Старший брат учился в артиллерийской, была еще морская, но Олег без колебаний оставил автодорожный и записался в спецшколу ВВС, самую престижную.

Это была, по сути, обычная мужская школа, где знакомили с историей авиации и азами летного дела, после нее все равно нужно было заканчивать летное училище. Но... кительки под горло, голубые петлицы...

В июне бомбили Одессу. Спецшколу эвакуировали в Ворошиловград.

Неразберихи хватало, все было чужим, ему казалось, что они впустую теряют время.

- Я был сильно умный и большой патриот, - вспоминает Олег Антонович, - решил бежать на оборону Одессы.

Еще пятерых подговорил. За Ясиноватой патруль снял мальцов с поезда. Офицер сказал, что Одессу на днях сдадут или уже сдали. Направили в отдельный батальон, он размещался на окраине Краснодара. Учили телефонии, работе на секретных тогда портативных радиостанциях «Белка» и «Север». Взрывному делу тоже учили. Прыжок с парашютом поощрялся двадцатью пятью рублями.

28 июля учебный батальон погрузили в эшелон и отправили на фронт. За Кропоткинском состав бомбили. Олега назначили вторым номером к ПТР, тяжеленному противотанковому ружью, велели занять оборону. Под станцией Ольгиевская увидели танки с крестами, поняли, что в окружении.

Отходили кукурузным полем. Потерял пилотку, но сумку с белыми термитными головками, зарядами к ружью, не бросил. С ней его и взяли немцы.

- Первую пробу я получил, - улыбается, - из-за того, что по молодости лет назвался парашютистом.

Через десять дней отправили в Кременчугский лагерь, теперь он знал, где кем называться.

Выстроили военнопленных, спрашивают: «Плотники есть, строители, каменщики?» Назвался строителем, чтобы попасть в лагерь поменьше.

Перевели в Крюковский лагерь. Готовил побег с цыганом, раздобыли гражданские обноски, но кто-то их продал - и снова Кременчуг, где свирепствовала дизентерия. Ел шелуху проса, но воду не пил, чтобы не заболеть.

Немцы сформировали команду из парней помоложе и куда-то повезли.

Сначала попал в Варшаву, потом череда лагерей: Люблин, Краков, Ченстохов...

Силенки иссякали, началась дистрофия. Перевезли в Германию: Вупперталь, Эссен.

В Эссене попал на полигон, где немцы испытывали танковую броню.

В тоннеле устанавливали броневую лист и стреляли по нему. После выстрелов пленные доббили кайлами спрессованную землю, понял, что долго не протянет.

На работу водили в пять утра, конвой состоял из пожилых нестроевых солдат. Как-то выбрал момент, передал кому-то фонарь и просто остался в темноте, а колонна ушла. Снял клемпы, долбленные из дерева колотушки, и побегал. А куда убежишь - на пилотке, гимнастерке и галифе желтые несмываемые

буквы «SU». Подался в знакомый ему лагерь в Вуппертале, ему казалось, что там условия полегче, назвался Костей Коршуновым, был у него дружок на Хуторской.

На шахту возили во Францию, она в нескольких километрах, добывали медную руду. Сверлил в паре с пленным поляком шурфы, а мастер-немец закладывал взрывчатку. Добытую руду закапывали, чтобы не досталась врагу, воровали тротил.

- Поляки получали через Красный Крест посылки, - вспоминает, - я вместо напарника питался в столовой. В столовой стряпали мать, дочь и зять - русские. Насыпали похлебки, а там одна капуста плаваает.

Я говорю: «Я тебе ту мыску на голову надену!»

И вылил. Начальник лагеря с мастером поволокли его в канцелярию, били палкой, на двадцатом ударе закричал. Поляки услышали, стали ломиться, немцы испугались, отпустили. Рубаха пропиталась кровью. «Иди на работу и делай побег» - посоветовали поляки.

Опять в Советской Армии.

Шахта находилась в лесу, убежать было проще. Только куда? Добрал до хутора-фольварка, напросился к зажиточному немцу, немец занимался перепродажей скота, держал еще четырех русских батраков.

У немца подкормился, а может, и жизнь себе продлил, прошел кашель. Позже у Губанова обнаружат рубцы на легких.

Попал на глаза полицаям, и снова лагеря: Дюрэн, Ахен, Бергслабах под Кельном. Если становилось невмоготу, менял лагеря, назывался то Костей Коршуновым, то Павлом Жариковым, то Шуркой Кулаковским - все это дружки с Хуторской.

Фронт приближался, в небе стоял тяжелый гул, досталось и их городку, сначала «Боинги» бросали фугасы, потом поливали фосфором.

Работал 2 апреля 1945 в замке патриархального городка Энгелскирхен, когда подкапывали «виллисы». В «виллисе» сидели веселые

«Американец» из Одессы Олег Губанов с освобожденной девушкой.

парни, каски горшками, впервые негров увидел.

- Ты русский? - спросил один. - У нас двенадцать славян в роте. Хочешь служить в американской армии?

- Конечно, хочу.

Русскоязычный американец Ник Мишин, что обратился к нему, был инженером-строителем, ему быстро доверился.

Выдали форму, карабин и пистолет парабеллум.

- Несколько ящиков у них были открыты, - вспоминает, - выбирай, что хочешь и сколько унесешь: в банках яйца с мясом, сосиски, тушенка, бисквиты, оранжад, шоколад таял в кармане, сигареты «Лаки страйк». Хочешь пищу разогреть - залил в плиту канистру бензина и подогревай.

Когда Алекс Губано набрал консервов впрок, сослуживцы смеялись.

Подивился и тому, что белье с этикетками.

Так получилось, что их подразделение освобождало тот самый лагерь в Вуппертале, Губанов пленял своих мучителей.

- Расстреляй их, - предложил сержант.

Он их даже не ударил.

На снимке он с девушкой Валентиной, освобожденной из лагеря. Шейный платок, что на Олеге, малиновых тонов, видимо, хотелось произвести впечатление, девушка того стоит. Признался, что подарил ей золотой кулон, кольцо, еще что-то. Оттуда дорогие подарки, такие красивые девушки не спрашивают.

Вскоре их часть уже была на берлинском направлении, дальше маршем двинулись освободить Чехословакию от армии Штерна. Восьмого мая радио принесло известие о капитуляции Германии, но у них в Чехословакии бои становились все ожесточеннее. Убило наповал командира, пуля пробила сонную артерию.

- Американцы не развернутым строем идут в атаку, как у нас, - вспоминает, - а бегут вереницей, как утки, один за одним - впереди фест лейтенант или сержант.

В освобожденном Пльзене союзников встречали радушно, пирогами потчевали. Запомнилось, что девчата красивые.

Штерн сдался, закончилась и война Олега Губанова - для кого-то она была народной, отечественной, а для него самой что ни на есть второй мировой.

Предлагали продолжить службу в американской армии, Ник Мишин приглашал на техасцину, Гэрри, новый дружок, звал в Чикаго. Но он сдал карабин с зарубками, его зарубками на прикладе, выпил, как полагается, с товарищами по чарке виски и был репатрирован.

Привезли под конвоем в 234-й фильтрационный лагерь в Саксонии.

Фильтрация проходила так: заводили в финский домик по пять человек и всех, кто были постарше его, этапировали в Сибирь.

Ему повезло, у него не был исчерпан

призывной возраст. Служил сначала в батальоне связи при магдебургской танковой армии, потом в учебном полку в Дзержинске Горьковской области и, наконец, попал в Козельск, почему-то в пехотный полк, хотя было указание Сталина использовать военнослужащих по специальности.

Недолго думая, написал письмо Сталину - дескать, хочу служить связистом, как учили. Снова он сопротивлялся обстоятельствам - это в его-то положении, когда грехи не замолены. Пока его солдатская жалоба кочевала по канцеляриям, вышел приказ о демобилизации.

На Хуторскую вернулся в сорок шестом. А дальше почти детектив, затравка его в 52-м.

- Работал я на соковом из бортовой, - вспоминает, - вызывают к завару, завар говорит: «Поезжай на Полицейскую, в ГАИ».

Проводили его почему-то к начальнику ГАИ. Гаишный полковник «для блезиру» потребовал права, Губанов соврал, что права оставил в машине, хотя они лежали в кармане. В кабинете штатский для чего-то сучал, лицо невыразительное, на колена шляпа. Товарищ со шляпой и прогулялся с ним на Маразлиевскую, где в те времена находился областной КГБ. Пропуск был выписан заранее, проследовали в очень большой кабинет.

- Открыл он сейф, а там вот такое дело на меня, - Олег Антонович показал, какое пухлое дело собралось. В деле увидел снимок Ника Мишина уже в гражданском, снимок иллюстрировал вырезку из американской газеты.

Говорили обстоятельно, выкурили три пачки «Казбека». Чекист подшил показания, назвал номер служебного телефона, Губанов записал его на спичечном коробке. «Эх ты, разведчик, - пожурил чекист. - Разве так записывают?»

И написал: 2442 руб. 32 коп.

Встречались в парке Ильича. Откуда чекист появлялся и куда исчезал, Губанов так и не вычислил, хотя пытался. Калякали о том, о сем, раз гэбэшник заговорил по-немецки. Заводил разговор об учебе в спецшколе. Затем со спецшколой Олег Антонович не одобрил.

Спецшколой поманил, погонями... А зарабатывал Олег Антонович даже тогда, пожалуй, поболее дяди в шляпе.

Он вообще из породы мужиков, которые привыкли зарабатывать, иначе у них не получается. Вспоминал, даже хвастался, как получил весомые отпускные на канатном заводе и махнул в Карловы Вары. Вкалывал тогда волочишьником, если проволока рвется, то чело века пробивает насковоз.

Двадцать восемь лет трудился на автобазе №15168 («В такси было легче устроиться, чем на ту автобазу»).

До 91-го года Олег Антонович таился, потом рассказывать о его войне на два фронта уже не запрещали, но и не интересовались им.

В совете ветеранов он числится как участник встречи на Эльбе, хотя на Эльбе был участником с другого берега. Еще в совете есть узники и просто ветераны. Он подходит под все категории.

Владимир КАТКЕВИЧ.